

1890

Къ неоконченному роману

"Евгеній Онѣгинъ"

Соч. А. Пушкина

Продолженіе и окончаніе

соч. А. Разоренова.

Блаженъ, кто про себя таилъ

Души высокія созданья

И отъ людей, какъ отъ могилъ

Не ждалъ за чувство воздаянья.

А. Пушкинъ.

Но тотъ блаженнѣй много кратъ,

Кто чувствомъ съ ближними дѣлился,

За судъ ихъ правый -- не сердился

И не желалъ отъ нихъ наградъ.

А. Разореновъ.

МОСКВА.

Типографія Л. и А. Снегиревыхъ.

Остоженка, Савеловскій переулокъ, собственный домъ.

1890.

<http://az.lib.ru>

[ОСР Бычков М. Н.](#)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДРУГУ.

Тебѣ какъ другу и поэту
Какъ любящій тебя твой другъ,
Я посвящаю мой досугъ,--
Пусть свѣтъ его заброситъ въ Лету
Какъ недостойное творенье,
Свершивъ надъ нимъ правдивый судъ,
И въ темной пропасти забвенья --
Его потомки не найдутъ,
Таковъ удѣлъ людей бездарныхъ!..
И я, конечно, не изъ славныхъ,
Но я желалъ бы одного --
Вниманья только твоего.
Довольно бѣ было той награды,
Когда бѣ ты строго, безъ пощады,
Цѣня мой трудъ мнѣ далъ отвѣтъ,
"Хоть ты плохой, но все жъ поэтъ".
Иль съ добродушною улыбкой
Иначе мнѣ отвѣтилъ такъ:
"Въ поэты ты попалъ ошибкой --
Ты не поэтъ, а такъ чудакъ"

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

*О, тѣнь великаго поэта!
Изъ нѣдръ невѣдомаго свѣта
На трудъ ничтожный мой взгляни --
И, если ст_о_ю, побрани
За то, что къ твоему творенью
Я окончанье написалъ,
И волю давъ воображенью --*

Героя въ немъ дорисовалъ.
Поступокъ дерзскій безъ сомнѣнья,
Но ты великій, нашъ поэтъ,
Скажи съ улыбкой снисхожденья:
"Какихъ проказъ на свѣтъ нѣтъ!"
И ты читатель мой любезный,
За трудъ мой слабый, бесполезный,
Не будь ко мнѣ ужъ очень строгъ!
Писалъ его я такъ,-- какъ могъ.
Быть можетъ, онъ совѣмъ ничтоженъ,
Конечно, я тому не радъ,--
Но я сказать одно вамъ долженъ,
Что здѣсь самъ Пушкинъ виноватъ,
Что я являюсь вамъ поэтомъ,--
Хоть имъ не буду никогда.
Да, впрочемъ, дѣло не объ этомъ,
А вотъ какъ та потряслась бѣда:
Его читая сочиненья,
Я такъ имъ очарованъ былъ;
Такъ сильны были впечатлѣнья,
Что я себя -- и все забылъ.
И вдругъ въ порывѣ увлеченья,
Не много думавъ, сгоряча
Я создалъ это вамъ творенье
Что называется -- сплеча.
Но выдать въ свѣтъ его, конечно,
Не смѣлъ бы даже я мечтать,
Когда бы не желалъ сердечно
Предъ строгимъ свѣтомъ показать,
Какъ сильно было то влѣянье
Родного генія-пѣвца
На самоучку-простеца,
Безъ всякаго образованія.
Почту себя счастливымъ въ міръ,
Когда хотя единый звукъ
Въ моей найдется грубой лирѣ,
Который вашъ затронетъ слухъ,
И сердца вашего коснется
Своимъ журчаніемъ слегка,

*И въ этомъ сердцѣ отзовется --
Людская радость и тоска.*

ГЛАВА I.

Татьяна, жалкая Татьяна!
Еще ты любишь все тирана,
Который жизнь твою стубиль:
Твоей любви не оцѣнилъ,
Когда въ порывѣ увлеченья --
Ему ты высказалась въ ней,
И онъ отвергъ безъ сожаленья
Весь юный пылъ души твоей,
Твои надежды и желанья,
Твои завѣтныя мечты,
И даль тебѣ одни страданья.
Такъ губить юныя цвѣты
Морозъ нежданный въ майски дни,
И вянуть бѣдные они...

* * *

Настала ночь. Она въ волненьи
Въ постелѣ грустная лежитъ,
И вотъ въ ея воображеньи --
Предъ ней Онѣгинъ все стоитъ:
Проходятъ дни и въ волны свѣта
Она опять погружена,
Роскошно, съ пышностью одѣта,
Вниманьемъ всѣхъ окружена...
Но это общее вниманье,
Рѣчей бездушныхъ, льстивыхъ трескъ
И шпоръ обычное бряцанье,
Вся эта пышность, свѣтъ и блескъ,
Гдѣ все условно, по шаблону,
Размѣренъ каждый шагъ и взглядъ,--
Гдѣ все покорно свѣта тону,--
Гдѣ всѣ блеснуть собой хотятъ, ,
Казаться лучше всѣхъ -- умнѣй,--

Равно наскучило все ей.

* * *

Она мечтами улетала
Въ покинутый ей край родной,
Въ семью родныхъ, гдѣ счастье знала,
И радость сердца, и покой;
Гдѣ въ первый разъ проснулись грезы
Въ груди дѣвичей молодой,
Въ глазахъ блеснули искрой слезы,
Любови созданной мечтой,
Когда вечернею порою
Въ саду, теряясь въ кустахъ,
Или подъ липою густою
Сидѣла съ книгою въ рукахъ,
Вотъ онъ колѣни преклоняетъ,
Блѣднѣетъ, плачетъ и дрожитъ,
Какъ сильно бѣдный онъ страдаетъ!
И робко въ очи ей глядитъ,
Какъ полонъ горькою тоскою
Его потухшій нѣжный взоръ!..
Онъ, какъ преступникъ предъ судьбою,
Себѣ ждетъ строгій приговоръ;
Вотъ руку онъ ея беретъ,
Цѣлуетъ пламенно и жметъ.

* * *

И какъ руки не отнимая
Она смотрѣла на него,
Любви съ нимъ чувства раздѣляя,
И упрекала какъ его.
Идутъ тяжелыя мгновенья;
Ужъ полночь. Сонъ отъ ней бѣжитъ,
А онъ, какъ будто привидѣнье,
Въ мечтахъ предъ нею все стоитъ.
И сердцу стало больно, больно,
Сильнѣй раскрылись раны въ немъ,

И слезы жаркія невольно
Текутъ изъ глазъ ея ручьемъ,
Сильнѣй въ груди вскипѣла кровь, --
Сильнѣй тоска, сильнѣй любовь...
Довольна чтеніемъ однимъ,
Пока не встрѣтилася съ нимъ.

* * *

И часъ съ нимъ перваго свиданья
Когда онъ къ нимъ явился въ домъ,
Его къ ней лестное вниманье,
Какъ ей все нравилось въ нему:
Его манеры, всѣ движенья,
И звуки сладкіе рѣчей,
Полны ума и выраженья,
Огонь привѣтливыхъ очей!..
Какъ искра первая запала
Того огня ей въ сердце, кровь
Ключемъ въ ней вдругъ залокотала --
Проснулася первая любовь,
И какъ змѣя потомъ слегка
Закралась въ сердце ей тоска.

* * *

Въ часы безмолвной лѣтней ночи,
Когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ,
Какъ не смыкая долго очи,
Она все думала о немъ,
Картины счастья создавая,
Возможныхъ въ будущемъ ей быть:
Его своимъ воображая,
Какъ будетъ онъ ее любить...
Съ такими страстными мечтами
Истомой мучилась она,
А съ неба блѣдными лучами
Въ окно свѣтила къ ней луна.
Когда-жъ смыкалъ ей очи сонъ,

Въ тревожномъ снѣ все снился онъ.

* * *

То вспоминала тѣ мгновенья,
Когда скорѣй желая знать
Свою судьбу, полна сомнѣнья,
Къ нему рѣшилася писать,
И дни отвѣта ожиданья,
И роковой съ нимъ часъ свиданья,
Когда въ саду онъ ей предсталъ --
И строго проповѣдь читалъ.
Когда, въ волненіи блѣднѣя,
Отвергнута, потрясена,
Взглянуть въ глаза ему не смѣя,
Стояла близъ его она,
Поникши грустно головой,
Убитая стыдомъ, тоской.

* * *

И этотъ вотъ теперь Евгений
Предъ ней въ мечтахъ ея стоитъ.
"Прочь, прочь -- бѣги отъ искушеній", --
Разсудокъ такъ ей говоритъ,
И твердо ужъ она рѣшила,
Какъ ни былъ милъ и дорогъ онъ,
Молчать. о прошломъ какъ могила,
Храня супружества законъ:
И ей ли сдѣлать преступленье?
Нарушить честь? Какой позоръ!..
Нанести супругу оскорбленье!..
Межъ тѣмъ ея унылый взоръ
Въ толпѣ волнующей блуждалъ
И все кого-то тамъ искалъ...

ГЛАВА II.

Но какъ повѣса нашъ Евгений,

Рабъ моды, оргій, франтъ лихой,
Герой удалый приключеній
И волокита записной.
Увы! Онъ быстро погрузился
Въ разгульный жизни кипятокъ
"И безъ руля, весла пустился".
Въ ея бушующій потокъ,
Чтобы забыть любви страданья,
Тоску злодѣйку утопить,
И съ "ней" послѣднее свиданье,
На сколько можно, позабыть.
И по теченью бурныхъ волнъ
Пустилъ свой утлый бѣдный челнъ.

* * *

Друзья, красотки молодя
Съ продажнымъ сердцемъ и душой,
Катанья за городъ лихія
На тройкахъ позднею порой,
Шампань, клико, бордо, цыгане,
Арфистки, карты, весь содомъ --
Вдругъ взяли въ плѣнъ его, и онъ
Все это видѣлъ какъ въ туманѣ
Съ отяжелѣвшей головою
И, не владѣя самъ собою,
Онъ тратилъ жизнь и капиталъ --
Всю ночь кутилъ, день цѣлый спалъ,
И нынче такъ, и завтра тожъ:
Красотки, карты и кутежъ...

* * *

Онъ даже пробовалъ влюбляться,
Чтобы Татьяну позабыть,
Но тутъ же долженъ былъ сознаться,
Что онъ не могъ другихъ любить.
Любви-жъ притворной, взгляды, ласки,
Красы порочной гнусный торгъ,--

Всѣ тѣ искусственныя маски.
Безъ желчи видѣть онъ не могъ.
Не могъ ни какъ себя заставить
Забывать Татьяны сладкихъ словъ:
-- "Я васъ люблю, къ чему лукавить"...
И еслибъ нужно -- былъ готовъ
Пролить свою до капли кровь
За эту чистую любовь.

* * *

Проснувшись поздно, не вставая,
Въ постелѣ долго онъ лежитъ,
Кутежъ вчерашній вспоминая
И дико вкругъ себя глядитъ.
Не давъ себѣ ни въ чемъ отчета,
Какъ бурно онъ провелъ ту ночь,--
И таже вновь его забота --
Чтобъ гнать тоску злодѣйку прочь;
И снова думы, снова планы
Убить гдѣ время поскорѣй.
Но этотъ образъ жизни праздный
Ему все дѣлался скучнѣй...
Онъ сталъ серьезнѣй размышлять,
Какую жизнь ему начать.

* * *

"Жениться? можетъ быть съ женою
Мои отграднѣй будутъ дни,
Обзаведусь своей семьею,
Въ деревнѣ будемъ жить одни".
Но тотъ вопросъ вдругъ самъ собою
Въ его умѣ рвался какъ нить,
Какъ бы рѣшонный ужъ судьбою,
Что мужемъ онъ не можетъ быть.
Съ разбитымъ сердцемъ и душою
Ему ли жизнь свою связать --
Съ невинной жизнею другою,

И эту жизнь собой терзать;
И на вопрось его такой
Махнулъ съ гримасой онъ рукой.

* * *

"Куда-жъ теперь себя я дѣну?
Направлю мой блудящій челнъ?
Гдѣ, что найду тоски въ замѣну?"
Такъ долго грустно думалъ онъ.
"Въ Парижъ!" Какъ бы лукавый геній
Ему надъ ухомъ прошепталъ.
"Въ Парижъ?" безъ дальнихъ разсужденій.
Евгеній мысленно сказалъ:
"Лишь тамъ всѣхъ благъ въ житейскомъ морѣ
Мою тоску я утоплю,
Забуду здѣшной жизни горе
И можетъ, снова люблю!"
Такъ онъ торжественно рѣшилъ,
Потомъ всю ночь опять кутилъ.

* * *

Онѣгинъ вѣренъ былъ рѣшенью --
Собравшись наскоро и вотъ,
Какъ бы по щучьему велѣнью,
Уже въ Парижѣ онъ живетъ,
Гдѣ такъ гостямъ богатымъ рады...
Тамъ сталъ онъ жадно посѣщать!
Театры, клубы, маскарады --
Себя стараясь показать,
Богатствомъ, роскошью и тономъ,
Ну словомъ -- онъ желалъ блистать,
На все смотрѣлъ слегка барономъ,
Сумѣнъемъ пыль въ глаза пускать,
И наконецъ, хотя не вдругъ,
Вошелъ людей въ извѣстныхъ кругъ.

* * *

Знакомства новыя, собранья,
И всѣ возможные гулянья,--
Друзья, красавицы, вино,
Все, какъ вездѣ заведено,
Къ нему такъ живо привилося,
Сложилось въ цѣлое, слилося .
Все постепенно, и потомъ
Пошолъ кутежъ за кутежомъ,
В заварилась таже каша
Въ большомъ Парижскомъ горшкѣ,
И трудовая деньга наша
Встряхнулась въ толстомъ кошелькѣ,
И стала таять, словно ледъ,
Который солнышко печетъ.

* * *

Но нашъ герой и не старался
Свои расходы повѣрять;
Нѣтъ, этимъ онъ не унижался,
Любилъ такъ деньги проживать,
Такою жизнию въ Парижѣ
Онъ прожилъ зимній весь сезонъ;
Сходился съ обществомъ все ближе,
Но не нашелъ того онъ въ немъ.
Что сердце бѣдное искало,
Чтобъ ту потерю замѣнить,
По комъ оно всегда страдало,
Кого не могъ онъ позабыть,
Чей милый образъ день и ночь
Не отходилъ отъ сердца прочь.

* * *

Напрасно онъ красавицъ хоромъ
Себя нерѣдко окружалъ,
Своимъ пытливымъ грустнымъ взоромъ
Въ ихъ душу, сердце проникалъ;

Хотя одну бы искру чувства
Любви желая видѣть въ нихъ,
Но видѣлъ лишь соблазнъ искусства,
И хладомъ вѣяло отъ нихъ.
Онъ даже въ среднихъ сферахъ свѣта,
Забывъ приличіе искалъ
Души разстерзанной отвѣта.
Нигдѣ его онъ не слыхалъ;
Вездѣ одни -- корысть и торгъ...
Все такъ же видѣть онъ не могъ.

* * *

Любовь чистѣйшую Татьяны,
Теперь лишь онъ умѣлъ цѣнить,
И сердца страждущаго раны
Ни чѣмъ не могъ онъ исцѣлить.
Тотъ, кто съ высокою душою,
Кто съ сердцемъ пламеннымъ рождень,
Кто самъ извѣдалъ надъ собою
Любовь такую,-- вѣрно онъ,
Согласенъ будетъ въ томъ со мною, --
Что любить тотъ одинъ лишь разъ
Всѣмъ полнымъ сердцемъ и душою,
Доколѣ жизнью не угась!..
Таковъ Онѣгинъ можетъ былъ
И только разъ одинъ любилъ.

* * *

Теперь читатель мой, конечно,
Готовъ мнѣ сдѣлать въ томъ упрекъ,
Что я ужъ слишкомъ безсердечно
Героя ввелъ въ такой порокъ,--
Что онъ проводитъ цѣлы ночи
Безъ сна, съ друзьями все кутитъ
На сколько въ немъ хватаетъ мочи,
Потомъ день цѣлый крѣпко спитъ.
Вы скажите: "Такой кутила,

Лишь въ низшихъ классахъ можетъ быть!"
Согласенъ! но не въ этомъ сила,
А кто желаетъ какъ кутить:
Одни отъ горестей кутятъ,
А тѣ жить весело хотятъ.

* * *

Во всѣхъ есть классахъ исключенье,
Кто какъ какую жизнь ведетъ;
И такъ, какое-жъ въ томъ сомнѣнье,
Что нашъ герой изрядно пьетъ?
Въ немъ не было къ тому влеченья --
Желалъ бы даже онъ не пить,
Онъ жаждалъ лишь въ винѣ забвенья,--
Чтобы тоску любви забыть.
У всѣхъ во всемъ свои причины,
Всѣхъ можетъ горе посѣтить,
Но въ дни невзгоды и кручины --
Не каждый можетъ трезвымъ быть;
И эти люди пьютъ и пьютъ,
Но горя жизни не зальютъ!..

ГЛАВА III.

Вернемся мы опять къ герою,
Проснувшись позднею порою,
Сидитъ задумчивъ онъ, уныль,
Вчера онъ сильно подкутилъ,
И весь замѣтно измѣнился --
Труднѣе дышетъ, поблѣднѣлъ,
Измялся какъ-то, опустился,
И даже будто постарѣлъ,
Вплотную, значитъ, догулялся:
Въ немъ Бахусъ сильно вдругъ сказался --
И нашъ герой понять умѣлъ,
Что онъ серьезно заболѣлъ;
И какъ желѣзною рукой
Въ немъ сердце сжалось тоской.

* * *

Теперь онъ каялся жестоко,
Что слишкомъ такъ зашелъ далеко
Разгула гибельнымъ путемъ,
И былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ,
Что здѣсь ему свои страданья
Ни чѣмъ, ни чѣмъ не излѣчить,--
Но о быломъ воспоминанья
Ни съ кѣмъ не можетъ позабыть.
И стало вдругъ ему скучнѣе:
"Я здѣсь совсѣмъ себя сгубилъ,
Домой! въ отечество скорѣ!"
Такъ твердо онъ съ собой рѣшилъ,
И въ тотъ же день собравшись вдругъ --
Опять уѣхалъ въ Петербургъ.

* * *

И вотъ въ своемъ богатомъ домѣ
Герой съ недѣлю ужъ живетъ,
Любви страдальческой въ истомѣ,
Болѣзнь сильнѣй его гнететъ.
Врачи не цѣлой чуть толпою
Къ нему явились помогать,
И такъ рѣшили межъ собою:
Больнаго на воды послать.
Но онъ на то не согласился
Отправиться въ далекій путь.
Поѣздкой такъ онъ утомился,
Что здѣсь желалъ онъ отдохнуть;
Но какъ его слабѣла мочь,
То онъ лѣчиться былъ не прочь.

* * *

Проходятъ мѣсяцы. Евгеній
Лѣкарство, какъ назначутъ, пьетъ
Врачей при строгомъ наблюденьи,

Но впрокъ оно ему нейдетъ.
Врачей ли было въ томъ незнанье,
Иль что другое, только въ немъ --
Труднѣй все дѣлалось дыханье,
Ему все хуже съ каждымъ днемъ.
Съ потерей вѣры въ исцѣленье,
Врачей докучныхъ болтовню,
Въ одно прекрасное мгновенье
Всю ихъ латинскую стряпню,
Что такъ наскучило давно,
Онъ разомъ выбросилъ въ окно...

* * *

"Въ деревню!.. тамъ мое спасенье,
Тамъ вѣрно будетъ мнѣ легко:
Купанье, воздухъ, молоко --
Вотъ наше русское лѣченье!.."
И онъ, всегда какъ неотложно
Рѣшать все разомъ, что нибудъ,
Собравшись наскоро, какъ можно,
Отправился немедля въ путь.
"Прощай роскошная Пальмира,
Весь шумный свѣтъ, разгуль, друзья!..
Подъ отчій кровъ покоя, мира,
Покинувъ васъ, стремлюся я,
Забуду-ль тамъ -- тоску, любовь?..
Увижусь ли когда съ "ней" вновь?..

ГЛАВА IV.

Съ деревней, гдѣ теперь Евгений,
Читатель нашъ знакомъ давно,
Гдѣ онъ желалъ отъ всѣхъ волненій
Найти спокойствіе одно.
И вотъ онъ въ домѣ помѣстился,
Въ покояхъ тѣхъ, гдѣ прежде жилъ,
Когда онъ съ Ленскимъ подружился
И время братски съ нимъ дѣлилъ,

Который къ Ларинымъ съ собою
Его увлекъ въ ихъ мирный домъ,
Какъ будто избранъ былъ судьбою
На то, что было съ нимъ потомъ...
Гдѣ онъ такъ много заплатилъ
За то, что мстителенъ онъ былъ.

* * *

Пріѣхавши домой, Евгений
Дня два съ дороги отдыхалъ,
И изъ властей своей деревни
Въ тѣ дни къ себѣ не принималъ,
Лежалъ, сидѣлъ, смотрѣлъ въ окошко,
Курилъ, тянулся и зѣвалъ --
И отдохнувши такъ немножко,
Повеселѣй какъ будто сталъ.
На третій, выпивъ кофе чашку, --
Одѣлся, хлыстикъ взялъ, фуражку,
Прошолъ въ прихожею чрезъ заль,
Давно въ которой ожидалъ,
Собравшись рано въ тѣсный кругъ,
Весь штатъ его покорныхъ слугъ!

* * *

Отмѣнно толстый управитель,
Крестьянъ строжайшій повелитель,
Былъ всѣхъ виднѣе впереди,
За нимъ шеренгой позади:
Дворецкій, староста, садовникъ,
Лѣсникъ, служанка, огородникъ.
Завидя барина, всѣ вдругъ
Пришли какъ будто бы въ испугъ,
Его съ пріѣздомъ поздравляя, -
Здоровья, счастья желая,
Всѣ низкій сдѣлали поклонъ.
-- "Merci" -- сказалъ привѣтно онъ --
И быстро вышелъ въ дверь, потомъ

Пошелъ къ полямъ одинъ пѣшкомъ.

* * *

Жара, кипитъ въ поляхъ работа --
Крестьяне всюду косятъ, жнутъ,
Съ утра до ночи капли лота
Съ ихъ лицъ обильныя текутъ.
Онѣгинъ полный размышленья,
Какъ будто съ чувствомъ уваженья --
Глядитъ какъ трудится народъ,
На эту силу, этотъ потъ,
И даже чувство сожалѣнья
Невольное проснулось въ немъ:
-- "Какъ люди тѣ до утомленья
Работаютъ!.. своимъ трудомъ --
Всѣхъ кормятъ, сами же порой
Страдаютъ тяжкою нуждой?.."

* * *

Потомъ деревни слободою --
Одинъ все медленно идетъ;
Вкругъ все объято тишиною,
Безлюдно -- въ полѣ весь народъ.
Одни лишь только ребятишки,
Кой-гдѣ играютъ у воротъ,
Рѣзвятся бойкіе мальчишки,
Пѣтухъ вдругъ гдѣ-то пропоетъ,
Да на заваленкѣ старушка
Сидитъ съ ребенкомъ на рукахъ,
Въ рукахъ малюточки игрушка
И радость дѣтская въ глазахъ,
А на заваленкѣ другой --
Сидитъ старикъ сѣдой, слѣпой.

* * *

Все такъ же полный размышленья,

Онѣгинъ вкругъ бросаетъ взоръ.
Повсюду ветхія строенья,
Вездѣ въ глаза глядитъ раззоръ,
Все смотритъ горькою нуждою,
О бѣдной жизни говоритъ.
Почти предъ каждою избою
Онъ станетъ,-- пристально глядитъ,
Какъ будто жизнь ту изучаетъ,
Иль философствуетъ о ней.
И снова путь свой продолжаетъ,
А солнце грѣбеть все сильнѣй;
И вотъ уставши наконецъ --
Онъ сѣлъ тамъ -- гдѣ сидитъ слѣпецъ.

ГЛАВА V.

Онѣгинъ.

"О чемъ задумался старикъ?
Что такъ головушкой поникъ?
Скажи -- о чемъ твоя кручина?"

Старикъ.

Я слѣпъ, ты кто-жъ такой, дѣтина?
Не вижу я тебя, не знаю.
Кажись нездѣшній, такъ смекаю.

Онѣгинъ.

Да, я нездѣшній, я пришлецъ.
О чемъ же думаешь, отецъ?--
О жизни-ль этой безтолковой,
О суетѣ-ль ея земной?
Вопросъ о томъ давно не новый,
Рѣшать его не намъ съ тобой...
О смерти-ль думаешь? Напрасно!
Она сама ко всѣмъ придетъ,
И очень сдѣлаетъ прекрасно,

Что насъ отсюда уберегъ,--
Вѣдь надо-жъ съ жизнею разстаться.
А тамъ... что будетъ впереди --
Того намъ вѣрно не дознаться...

Старикъ.

Нѣтъ, парень, фальшишь! погоди!
Набаилъ словъ ты слишкомъ много,
Слова-то тѣ пустой лишь звонъ:
Кто вѣритъ въ истиннаго Бога
И чтетъ Его святой Законъ,
Тотъ такъ, какъ ты, не разсуждаетъ!..

Онѣгинъ.

Я, дѣдко, неучень.

Старикъ.

Учись!...
Будь чаще въ церкви, не лѣнись!..
Она насъ правдѣ поучаетъ,
И молитъ Господа за насъ.
Кто то ученье соблюдаетъ,
Блюдетъ себя отъ зла всякъ часъ,
Тому свѣтъ Божій возсіяетъ,
И разумомъ познаетъ онъ
Творца Всевышняго Законъ,
Тотъ жизни вѣчной ожидаетъ:
Гдѣ будетъ праведнымъ награда --
Они войдутъ въ пресвѣтлый рай;
А грѣшныхъ ждетъ мученье ада --
Объ этомъ вотъ и помышляй!
А ты мнѣ что сказалъ? "Напрасно,
О смерти думать!.." Эхъ, грѣшно!
Вѣдь это демонамъ смѣшно,
Тебя и слушать-то ужасно,--
Опомнись! Богу помолися,

Онъ милостивъ, тебя проститъ,
И жить, какъ должно -- вразумитъ,--
Да впредь такъ баить удержишься!..

Онѣгинь.

Спасибо, дѣдушка, попомню --
Полезный, добрый твой совѣтъ,
И дастъ Богъ я его исполню.
Теперь ты дай-же мнѣ отвѣтъ:
О чемъ такъ сильно загрустился?
Богатъ ли былъ -- да раззорился,
Нужда-ль тебя теперь гнететъ,
И жить покойно не даетъ?.,
Иль вспоминая жизнь былую,
Гульбу и удалъ молодую,
Потѣхи, радость и любовь,
Чего ужъ нѣтъ, не будетъ вновь,
Грустишь о чемъ теперь сердечно,
Скажи: насколько я могу,
Изъ сожалѣнія, конечно,
Быть можетъ въ чемъ и помогу.

Старикъ.

Зачѣмъ намъ знать чужія думы,
Кто, какъ и отчего угрюмый?
Оставимъ тайны мы другихъ,
Не лучше-ль думать о своихъ?
Всѣхъ думы разныя бываютъ:
То думы добрыя у насъ,
То злыя иногда подчасъ
Собою насъ обуреваютъ.
Онѣ, какъ въ небѣ облака,
Нахлынутъ вдругъ издалика,
Собой нашъ разумъ затемняютъ
И въ головѣ, какъ вихрь, гуляютъ,--
Налягутъ на сердце тоской,
И недовольны мы судьбой,

Своею жизнію скучаемъ,
Во всемъ завидуемъ другимъ,
И жизнь порою проклинаемъ.
Исполнясь въ сердцѣ духомъ злымъ,
Забывши Бога, лишь желаемъ --
Одно противное Ему,
Въ грѣхахъ смертельныхъ погибаемъ,
А какъ вздохнемъ опять къ Нему
Съ своей усердною мольбою,
Съ повиннымъ сердцемъ и душой,
То эти думы вдругъ толпою
Изчезнутъ всѣ, какъ мракъ ночной.
Тогда нашъ разумъ вновь свѣтлѣетъ
И снова съ жизнью добрый ладъ.
Кто вѣру въ Господа имѣетъ,
Да кто терпѣніемъ богатъ,
Тотъ всѣ напасти побѣждаетъ,
Тотъ всѣхъ счастливей человѣкъ:
Его Господь не оставляетъ
Своею милостью во вѣкъ; --
А если насъ когда караетъ
За наши грѣшныя дѣла,
То этимъ насъ Онъ исправляетъ,
Чтобъ наша лучше жизнь была!..
Теперь тебя спрошу, мой милый.
Ты чѣмъ же можешь мнѣ помочь?--
Верни мои мнѣ прежни силы,
Разсѣй очей потухшихъ ночь,
Раскрой мои зеницы, вѣжди,
Дай наглядѣться мнѣ, какъ прежде,
На бѣлый свѣтъ, на Божій храмъ!..

Онѣгинъ.

Тебѣ я денегъ много дамъ,
И ты на славу вдругъ богато
Съ своей семьей заживешь:
Твоя всѣхъ лучше будетъ хата,
Коней, скотину заведешь,

Семью одѣнешь всю нарядно,
Всѣ будутъ сладко ѣсть и пить,
Ну, словомъ -- будешь жить изрядно
Такъ -- какъ желалъ бы каждый жить.
Тебѣ всѣ будутъ удивляться:
"Откуда, скажутъ -- онъ беретъ?"
Всѣ будутъ въ дружбу набиваться,
Отъ всѣхъ поклоны и почетъ,
И будешь ты съ семьей своею
Въ довольствѣ, въ счастѣ поживать!..

Старикъ.

Доволенъ милостью твоею;
Но долженъ я тебѣ сказать --
За деньги счастія не купишь,
Порою лучше ихъ -- сума,
И съ деньгами себя погубишь,
Когда жить будешь безъ ума.
Въ богатствѣ всякое бываетъ:
Такъ, что богатый человѣкъ
Нерѣдко Бога забываетъ
И блудно свой проводитъ вѣкъ --
То лѣность имъ одолѣваетъ,
То непотребное ему
Его скорѣе соблазняетъ,
Не какъ другихъ, -- а почему?
Что у него на все хватаетъ.
Бѣднякъ не думаетъ о томъ,
Богачъ легко что получаетъ, --
Ему все это нипочемъ,
Въ разгуль богачъ скорѣй вдается,
Заморскіе напитки пьетъ,
И до того иной допьется,
Болѣсть получить и умретъ.
И часто гибнетъ прежде время
Младая жизнь во цвѣтѣ лѣтъ.
Богатство тоже злое бремя,
Когда въ богатыхъ толку нѣтъ.

Богатъ Богъ милостью Своею,
Опять, тебѣ я повторю --
И тотъ не оскудѣетъ ею,
Кто въ правдѣ жизнь ведетъ свою.
Иной бѣднякъ всю жизнь трудится,
Не видитъ въ праздникъ калача,
А какъ разсудишь -- право мнится,
Живетъ онъ лучше богача,
Когда здоровъ, въ семьѣ согласье,
Съ женой любовь, въ хозяйствѣ ладъ...
Такъ не въ богатствѣ наше счастье,
А въ доброй жизни, вотъ что, братъ!..
Положимъ, не легко бываетъ
Порой трудящимъ бѣднякамъ,
Да вѣдь Господь всѣмъ управляетъ,
И равнымъ всѣмъ нельзя быть намъ!..
Ораторъ тутъ остановился,
Глубоко въ думу погрузился,
Мгновеній нѣсколько молчалъ,
Потомъ торжественно сказалъ:
Настанетъ время, близокъ часъ --
Когда предъ Вышнимъ Судією
Предстанемъ общею семьєю,
Всѣ будутъ равные, изъ насъ,
По нашимъ будетъ лишь дѣламъ --
Награда разная всѣмъ намъ!..

Онѣгинъ.

Благодарю старикъ. Ты много
Мнѣ добрыхъ словъ наговорилъ --
Какъ должно жить по волѣ Бога,
Меня тому ты научилъ;
Но я провелъ мою жизнь дурно,
Безъ этихъ правилъ -- неразумно --
Мою ты жизнь, какъ будто зналъ,
Что такъ правдиво рассказалъ;
Какъ въ зеркалѣ, въ твоемъ сужденьи
Себя увидѣлъ я точь-въ-точь.--

Сказавши такъ, вдругъ всталъ Евгеній
И скоро удалился прочь.

ГЛАВА VI.

"Вдали отъ суетнаго свѣта",
Онѣгинъ весь остатокъ лѣта
Въ своей деревнѣ мирно жилъ,
На сколько могъ, покоенъ былъ:
По утру, вечеромъ купался,
Въ саду, то въ роцѣ онъ гулялъ,
Не много, будто, поправлялся --
Какъ бы свѣжей, покрѣпче сталъ,
Порой въ тиши уединенья --
Шекспира, Байрона читалъ,
И самъ въ минуты вдохновенья
Стихи скрипучіе писалъ,
Сказать вѣрнѣй -- Онѣгинъ пѣлъ,
Конечно такъ, какъ онъ умѣлъ.

* * *

Онъ пѣлъ любовь и крестъ страданій.
Здѣсь кстати было-бъ повторить,
Что онъ не могъ при всемъ стараньи --
И въ риемахъ тоже затруднялся,
Не понимая почему,
Какъ ладить съ ними ни старался,
А все онѣ не шли къ нему:
То мысли какъ-то въ немъ мѣшались,
Хотя и бралъ съ другихъ примѣръ,
То вдругъ онѣ не помѣщались
Стиха имъ взятаго въ размѣръ:
Но былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ,
Что онъ исполнитъ все потомъ.

* * *

Не сразу-жъ это всѣмъ дается,

И мало-ль въ этомъ есть препонъ,
Но звучно пѣснь его польется,
Какъ бы потокъ прибрежныхъ волнь;
И въ этой пѣснѣ отразятся
Его всѣ чувства и мечты,
Всѣ ею будутъ восхищаться,
Дивиться звукамъ красоты;
И къ "Ней" быть можетъ донесется
Хотя одинъ той пѣсни звукъ,
Въ груди ея тоска проснется,
Она пойметъ его недугъ,
И можетъ жалости полна,
Тогда вздохнетъ по немъ она.

* * *

Но вотъ ужъ августъ на исходѣ:
Дни меньше стали, холоднѣй,
Скучнѣй все дѣлалось въ природѣ,
Умолкнулъ въ роцѣ соловей,
Деревья желтый листъ роняютъ;
Работа кончена въ поляхъ,
Ужъ дни послѣднiе гуляютъ
Стада на скошенныхъ лугахъ.
То тучи небо покрываютъ
Безъ грозъ, дождь мелкiй моросить,
Все грусть на сердце навѣваетъ,
Ненастной осенью грозитъ,
Близка была ужъ та пора --
Когда ни шага со двора.

* * *

Онѣгинъ кончилъ ужъ купанья,
Когда же ясный день бывалъ,
Свои обычныя гулянья
Въ саду или въ роцѣ продолжалъ.
То близъ сосѣдняго селенья
Онъ приходилъ туда порой,

Тамъ гдѣ въ тиши уединенья
"Таится камень гробовой",
"Гдѣ дружески сплетясь корнями
Двѣ сосны старыя стоятъ",
Надъ нимъ поникнувши вѣтвями,
Его какъ будто сторожатъ.
На камнѣ надпись говоритъ:
"Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ..."

ГЛАВА VII.

Предъ той могилой одинокой
Подолгу нашъ герой стоялъ,
Проникнуть скорбію глубокой,
Объ Ленскомъ онъ воспоминалъ.
И живо прошлаго картины
Предъ нимъ смѣнялися чредой:
Когда поэтъ, не зная кручины
Жилъ полной жизнью молодой;
Когда такъ искренно, какъ друга,
Его до вѣрчиво любилъ,
Часы безпечнаго досуга
Съ нимъ братски, весело дѣлилъ,
И этотъ другъ съ такой душой,
Увы!-- убить его рукой.

* * *

То видѣлъ онъ передъ собою:
Какъ онъ въ крови предъ нимъ лежалъ,
Сраженный пулей роковою,
Въ страданьяхъ страшныхъ умиралъ.
Какъ онъ жалѣлъ тогда поэта,
Не отводя отъ жертвы глазъ...
И предразсудки, глупость свѣта,
Какъ проклиналъ онъ въ этотъ часъ!..
Клялъ то людское убѣжденье,
Что только кровью можно смыть
Съ себя безчестья оскорбленье,

А безъ того, безчестно жить,
Хоть самому убитымъ быть,
Врагу же должно мстить и мстить...

* * *

Какъ видѣль онъ тогда все ясно,
Что въ той расправѣ правды нѣтъ,
Что другъ его погибъ напрасно,
Погибъ поэтъ во цвѣтѣ лѣтъ!..
А какъ бы могъ безъ затрудненья
Онъ ту гибель отворотить:
Однимъ бы словомъ объясненья
Съ собою друга примирить!
Но онъ такимъ не оказался,
Онъ гордо выдержалъ свой тонъ,
Хоть безъ желанья съ Ленскимъ дрался
И былъ его убійцей онъ.
Такъ вмигъ губительный свинець
Вражду покончилъ двухъ сердець.

ГЛАВА VIII.

И вправду: что такое мщенье?
Что намъ даетъ собой оно?
Какое сердцу наслажденье,
Когда оно совершено?
Когда обидчикъ тяжело нами
Отмщенъ, когда предъ нами онъ
Заплачетъ горькими слезами,
И слышимъ вопль его и стонъ;
Или убитый передъ нами,
Облитый кровію, лежитъ
Съ полуоткрытыми устами,
Какъ бы съ упрекомъ говоритъ:
"Прости! тебя я оскорбилъ,
Но ты былъ злѣй -- меня убилъ!"

* * *

Какое чувство овладѣетъ
Тогда въ насъ сердцемъ и душой!
И тотъ навѣрно пожалѣетъ
О томъ, что былъ онъ мститель злой.
Еще въ комъ сердце сохранило
Къ Творцу и ближнему любовь,
Не очерствѣло, не остыло,
Кто вѣрилъ въ Бога, вѣритъ вновь
Въ Того, Кто неповинной кровью
Весь міръ, страдая, искупилъ,
И за враговъ Своихъ съ любовью
Съ креста Отца-щедротъ молилъ;
Не всплачетъ горькой кто слезой,
Свершивъ такой поступокъ злой.

* * *

Но есть оружіе иное
Враговъ лютейшихъ побѣждать,
Непобѣдимое, святое:
"Любить враговъ и имъ прощать",
И тѣмъ заставить ихъ стыдиться
За ихъ поступокъ съ нами злой,
Невольно съ нами примириться
И полюбить, насъ всей душой;
Сознаться въ томъ, что мы высоко
Духовно противъ ихъ стоимъ,
Хотя обижены жестоко,
Но это все прощаемъ имъ.
Заставить ихъ соревновать --
И имъ, чтобъ также поступать.

* * *

Тогда, мы дружно побѣждаемъ
Всеобщаго врага людей,
И волю Бога исполняемъ
Любовью братскою своей.

Такимъ оружіемъ Спаситель
Державу смерти сокрушилъ,
И насъ Божественный Учитель
Любить другъ-друга научилъ.
Всю сладость чувства утѣшенья
Кто, кто изъ насъ не ощущалъ,
Въ минуты эти примиренья
Святымъ восторгомъ не пылалъ?
И это чувство далъ намъ Богъ --
Оно небесныхъ благъ залогъ.

* * *

Иной вопросъ, когда войною
Враги отечество громятъ,
Все рушатъ, губятъ предъ собою,
Все, что намъ свято, не щадятъ
И кровь намъ милыхъ проливаютъ:
Отцевъ и женъ, и матерей,
Дѣтей, мольбамъ ихъ не внимаютъ
Въ свирѣпой лютости своей.
Тогда нашъ долгъ за нихъ вступиться,
Съ врагомъ неистовымъ сразиться
За вѣру, родину, царя,
Святой любовью къ нимъ горя,
И кровь свою до капли лить,
Чтобъ милыхъ сердцу защитить.

* * *

Разбойникъ ли придетъ къ намъ тайно,
Чтобъ насъ ограбить и убить --
Его замѣтивши случайно,
Ударъ его, чтобъ отразить:
Вступить съ нимъ въ смертный бой постыжно,
Свою, семейства жизнь спасать --
Все это честно и безгрѣшно,
Законно въ жизни поступать.
Но межъ друзей изъ-за сомнѣнья

Или пустаго оскорбленья --
На бой другъ-друга вызывать,
Другъ-друга слѣпо убивать --
Такъ дѣлать: стыдно и грѣшно
И даже жалко и смѣшно!...

ГЛАВА IX.

Сентябрь. Погода измѣнилась:
Все небо тучами покрылось;
Бушуетъ вѣтеръ, дождь идетъ
И сильно въ стекла оконъ бьетъ.
Деревья старья, качаясь,
Шумятъ въ поблекнувшемъ саду,
Между собой перекликаясь,
Какъ будто ждутъ себѣ бѣду.
Всей этой музыки печальной
Всю ночь оркестръ не умолкаль,
И звуки пѣсни погребальной
Онѣгинъ слушалъ и вздыхалъ,
Мечтами улетая къ "ней"--
И сонъ бѣжалъ его очей.

* * *

Въ ту ночь, безсонницей страдая,
Онѣгинъ утромъ долго спалъ;
Проснувшись поздно и зѣвая,
Съ постели медленно онъ всталъ:
Съ больною, слабой головою,
Въ груди съ обычною тоскою,
Взглянулъ разсѣянно въ окно --
На небѣ пасмурно, темно.
Онъ былъ въ дурномъ расположенъи,
Вблизи окна на кресло сѣлъ
И въ садъ задумчиво смотрѣлъ,
Чертя въ своемъ воображенъи,
Куда-бъ ему направить путь,
Гдѣ-бъ могъ душою отдохнуть?

* * *

И въ то же самое мгновенье,
Какъ будто волей Провидѣнья --
Вдругъ звонъ церковный прозвучалъ,
Онъ въ храмъ къ молитвѣ призывалъ.
Тотъ храмъ въ сосѣднемъ былъ селени,
Старухи Лариной въ имѣнни,
Въ тотъ день былъ праздникъ храмовой,
На грудь склоняся головой,
Онѣгинъ, въ думу погруженный,
Какъ будто свѣше вдохновенный,
Рѣшилъ -- немедля въ храмъ быть,
Молитвой душу облегчить.
Одѣться чтобъ -- слугу зоветь,
Слуга немедленно идетъ.
И вотъ, въ костюмъ одѣвшись новый,

* * *

Изъ дома выйти поспѣшилъ
(Ужъ были лошади готовы).
Онъ въ дрожки сѣлъ и укатилъ.
Пріѣхалъ. Въ церковь тихо входитъ,
Обѣдня ужъ давно идетъ;
Онъ быстро взоромъ вкругъ обводитъ --
Усердно молится народъ;
Въ толпу съ трудомъ онъ протѣснился,
Сталъ къ стѣнкѣ въ уголь и молился,
Смирясь сердцемъ и душой --
И взоръ его блеснулъ слезой.
Вдругъ онъ отграднѣе вздохнулъ
И ту слезу съ лица смахнулъ.

ГЛАВА X.

Вотъ служба кончилась; толпою
Изъ храма хлынулъ вдругъ народъ,

Всѣхъ сзади тихою стопою
Старуха Ларина идетъ.
Народъ готовъ былъ разступиться
Впередъ, чтобъ барыню пустить,
Но ей не нравилось тѣсниться,
Другихъ чтобъ тоже не тѣснить.
Увидѣвши ее, Евгеній
Поздравить съ праздникомъ спѣшитъ.
Подходитъ. Та въ изумленьи --
Безъ словъ, въ глаза ему глядитъ,
Съ трудомъ героя узнаетъ
И съ лаской руку подаетъ.

* * *

"Monieur Онѣгинъ, вы ли это?
Имѣю право вамъ пенять:
Возможно-ли ко мнѣ все лѣто
Ни разу вамъ не побывать?!"
-- Pardon, тому была причина:
Я боленъ, видите меня --
Какъ много измѣнился я!...
-- Стыдитесь! въ двадцать лѣтъ мужчина,
Задумали хворать. Напрасно!
Въ такіе годы жизнь прекрасна;
Здоровыми старайтесь быть --
Вы начинаете лишь жить;
И жизнь вамъ можетъ много дать --
Такъ надо жить, а не хворать!"

* * *

-- Merci, не въ нашей это волѣ --
Избѣгнуть въ жизни грустной доли;
Кого судьба собой гнететъ,
Тотъ въ жизни вянетъ, не цвѣтетъ.
-- "Ужель судьба все виновата?
Напротивъ, часто отъ себя
Бываетъ радостей утрата."

-- Вполнѣ согласенъ съ вами я.
Но есть судьбы опредѣленье,
Чего нельзя намъ измѣнять.
-- "Да, въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнья,
Но нужно въ жизни различать:
Что намъ назначено судьбой,
Чему и сами мы виной"

* * *

Въ такомъ короткомъ разговорѣ
Они изъ церкви вышли вонъ.
Съ почтеньемъ искреннимъ во взорѣ
Онѣгинъ, сдѣлавъ ей поклонъ,
Готовъ былъ съ нею распроститься.
-- "О, нѣтъ, нѣтъ, не пущу васъ я --
Куда теперь вамъ торопиться?
Ко мнѣ, ко мнѣ, душа моя!
Прошу, чѣмъ Богъ послалъ, къ обѣду,
Я рада всей душой сосѣду;
Такой визитъ пріятенъ мнѣ,
Не то -- обижусь я вполнѣ."
Онѣгинъ что-то возразилъ
И тутъ же просьбѣ уступилъ.

ГЛАВА XI.

И вотъ ужъ онъ, за самоваромъ,
Въ гостиной съ Лариной сидитъ.
Она какъ мать съ сердечнымъ жаромъ
О милыхъ дочкахъ говоритъ:
Какъ счастливы онѣ съ мужьями,
Теперь въ разлукѣ съ ней живутъ,
Довольна какъ она зятьями,
Какъ письма къ ней, подарки шлютъ;
А ужъ за Таничку не знаетъ,
Какъ Бога ей благодарить,
Что просто въ счастье утопаетъ,
Такъ, что нельзя счастливѣй быть:

Такого мужа Богъ ей далъ,
Чего никто не ожидалъ.

* * *

Онѣгинъ, въ думу погруженный,
Нахмуря брови, внизъ глядитъ,--
Какъ будто чѣмъ то оскорбленный,
Хозяйку слушая, молчитъ.
Ему сильнѣй воспоминанье
Объ ней теперь сдавило грудь,
Сильнѣй тоска, сильнѣй страданье...
Онъ радъ бы кончить какъ нибудъ
Съ хозяйкой скучную бесѣду,
Но такъ какъ званъ онъ былъ къ обѣду,
Неловко было уходить,
То съ ней невольно долженъ быть,
Съ участьемъ поднимать свой взоръ
И слушать скучный разговоръ.

* * *

Онъ, можетъ, долго бь продолжался,
Когда бь, тому наперекоръ,
Возокъ въ то время не вкатился
Еще съ гостями къ ней во дворъ.
И вотъ она вдругъ поднялася
И тихой поступью своей
Къ дверямъ параднымъ поплелася --
Встрѣчать пріѣхавшихъ гостей.
Потомъ и гости появились:
Вошли, иконамъ помолились --
То двѣ сосѣдки старыхъ лѣтъ.
Пошли здорованье, привѣтъ,
Все какъ и водится, потомъ
За чай усѣлись всѣ рядкомъ.

* * *

И льются рѣчи про погоду,
Уборку хлѣба, про покось;
Винили чуть не всю природу:
Какъ плохи ржи, какъ плохъ овесь,
Сопрѣла сѣна половина,
Не впору встала вдругъ на дворъ
Съ полей голодная скотина;
Во всемъ годъ нынѣшній раззоръ:
Неслися даже плохо куры,
Цыплята -- пѣтухи одни,
Служанки всѣ -- разини, дуры,
Хоть просто всѣхъ съ двора гони!..
И, вздернувъ кверху носъ, потомъ
Вздыхали, Богъ-вѣсть о чемъ.

* * *

Откинувъ время покрывало,
Сказать бы было что немало
Про типы старыхъ тѣхъ людей
Давнымъ давно минувшихъ дней,
Съ ихъ прежней жизнию простою,
Съ богатствомъ, скупостью большою,
Съ жеманствомъ важнымъ и смѣшнымъ,
Когда-то свойственными имъ.
Но это все обыкновенно,
Не интересно и блѣдно,
Однообразно, неизмѣнно,
И все описано давно...
Тому прошло ужъ много лѣтъ.--
Теперь такихъ ужъ типовъ нѣтъ.

* * *

Но здѣсь -- хозяйка исключенье
Изъ этой касты потому,
Что къ ней коснулось просвѣщенье --
Она училась кой-чему.
Въ молодые годы жизнь въ столицахъ

И чтение книгъ, и зрѣлость думъ,
Когда еще была въ дѣвицахъ,
Развили въ ней природный умъ.
Конечно, въ новомъ поколѣннѣ
Она отставшая-бъ была,
Но вѣрно то, въ чемъ нѣтъ сомнѣнья --
Она отъ типовъ тѣхъ ушла.
Итакъ, почтенныхъ тѣхъ гостей
Она ученѣй и умнѣй.

ГЛАВА XII.

Но гости тѣ пріятны были
Онѣгину, они собой
Его хозяйкѣ замѣнили
Своей трескучей болтовней.
И вотъ онъ, быстро съ кресла вставши,
И Лариной поклонъ отдавши,
Въ душѣ старухъ благодариль
И въ залъ тотчасъ же поспѣшилъ.
Тамъ ходитъ полный воспоминанья,
Пока готовился обѣдъ,
Какъ вдругъ привлекъ его вниманье --
Татьяны рѣдкостный портретъ.
Онъ быстро взоръ въ него вперилъ
И весь какъ будто-бы застылъ.

* * *

Художникъ такъ постигъ искусство
(Портретъ настолько вѣренъ былъ),
Что всѣ черты, всѣ мысли, чувства --
Онъ ясно въ немъ изобразилъ.
Она сидѣла -- какъ живая,
Въ роскошномъ платьѣ и цвѣтахъ,
Камнями, золотомъ блистая
И съ тихой грустію въ очахъ,
(Онѣгинъ ужъ успѣлъ добавить)
Какъ будто говоритъ она:

"Я васъ люблю, къ чему лукавить,--
Но я другому отдана"!..
Онъ будто голосъ тотъ внималь,
И неподвижный все стояль.

* * *

Какъ бы какой волшебной силой
Къ портрету онъ прикованъ былъ,
Смотря на образъ сердцу милый,
Себя и въ жизни все забыль.
О ней лишь полонъ былъ мечтою,
И вѣрно долго бы мечталъ,
Какъ вдругъ въ то время за собою --
Хозяйки голосъ услыхаль:
-- Вы здѣсь? любуетесь портретомъ?--
Неподражаемо хорошь!
Какимъ весь блещетъ яркимъ свѣтомъ!..
-- А какъ похожъ-то, какъ похожъ,
Объ этомъ даже нѣтъ и словъ!
-- Писаль-то кто? Вѣдь самъ Брюловъ!..
На радость мнѣ и утѣшенье
Смотрю день каждый на него;
Смотрю, никакъ не насмотрюся
На образъ милый, дорогой,
И каждый мигъ я къ ней стремлюся
Моею любящей душой.
Мнѣ въ жизни больше нѣтъ страданья,
Всѣ, всѣ сбылись мои желанья,
Мнѣ такъ теперь отраднo жить,
Что не могу счастливей быть.
Такъ много счастья моего,--
Что я боюся за него.

* * *

И въ самый день ея рожденья
Они прислали мнѣ его,
А вотъ еще мнѣ утѣшенье:

Вотъ комната ея, она,
Любимица уединенья,
Любила здѣсь сидѣть одна.
Извѣстныхъ авторовъ читала,
А иногда она въ альбомѣ --
Прилежно, долго рисовала,
Цвѣтила красками потомъ.
Здѣсь въ прежнемъ томѣ же все порядкѣ,
Какъ это было и при ней:
Альбомы, книги и тетрадки,
До самыхъ даже мелочей --
Воспоминаніе объ ней,
Я не касаюсь тѣхъ вещей.

* * *

Здѣсь тоже каждый день бываю
И какъ она -- одна сижу,
На всѣ предметы тѣ гляжу --
Вблизи ее воображаю;
И жду: вотъ-вотъ она придетъ
И рѣчь со мною поведетъ.
Вамъ кажется всѣ это странно,
Что я мечтаю такъ порой?
Но признаюсь вамъ -- мнѣ отраднo
Такъ быть обманутой мечтой,
Любовь моя къ ней такъ сильна,
Что каждый мигъ въ мечтахъ она.

* * *

Но съ нами вамъ скучна бесѣда,
Такъ не хотите-ль до обѣда --
Здѣсь въ комнатахъ ея присѣсть
И что нибудь изъ книгъ прочесть.
Въ альбомы Танички взгляните,
Ея рисунки посмотрите,
Стишки въ нихъ можете писать --
Пускай прочтутъ -- она и зять,

Они вѣдь будущей весною
Меня навѣрно навѣстятъ,
Давно не видѣлись со мною --
Все лѣто, можетъ прогостятъ.
Она ушла, а онъ сидитъ,
Предъ нимъ альбомъ раскрытъ лежитъ.

ГЛАВА XII.

Поспѣшно онъ перебираетъ
Его роскошные листы,
На всемъ внимательно читаетъ;
Ея всѣ чувства и мечты.
Гдѣ карандашъ ея касался,
Водимый нѣжною рукой,
Во всемъ пылъ сердца вырывался,
Любви подавленной тоской;
На всемъ печать ея страданья
Рисунокъ каждый въ немъ хранить,
И о быломъ воспоминанье
И что теперь ей жизнь томить,
Все было ясно въ немъ безъ словъ.
Рисунокъ первый былъ таковъ:

* * *

Онъ видитъ сердце предъ собою,
Пронизано насквозь стрѣлою,
Какъ-бы огнемъ раскалено --
Все кровью облито оно;--
Какъ-бы безжалостной рукою
На землю брошено лежитъ,
Съ подъятой гордо головою
Вблизи его амуръ стоитъ,
Съ улыбкою, безъ сожалѣнья
На это сердце онъ глядитъ,
(Какимъ-то злобнымъ наслажденьемъ
Лукавый взоръ его горитъ),
Онъ былъ готовъ какъ бы ступить,

Чтобъ это сердце раздавить.

* * *

И много въ томъ альбомѣ было
Рисунковъ разныхъ и стиховъ,
Все въ нихъ такъ грустно и уныло,
Онъ былъ закрыть его готовъ.
Но вдругъ привлекъ его вниманье
Рисунокъ: "Дѣва у окна"
Сидитъ въ мечты погружена.
Все выражаетъ въ ней страданье:
Полна тяжелою тоскою,
Склоняся грустно головою,
Она безцѣльно внизъ глядитъ,
Съ собой какъ будто говоритъ,--
Съ слезами крупными въ глазахъ,
Что ниже значилось въ стихахъ:

* * *

"Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость?
Надеждъ несбыточныхъ обманъ --
Изчезли всѣ вы какъ туманъ,
Погибла вѣчно сердца радость.
Зачѣмъ такъ суждено судьбою,
Чтобы я встрѣтилася съ нимъ?
Отдаться всей ему душою --
И быть отвергнутою имъ!..
Таить сердечныя желанья.
Томиться горькою тоской
И только знать одни страданья.
И все летѣть къ нему душой,
И сильно, сильно такъ любить,
Что не могу его забыть"...

* * *

За тѣмъ еще стихотворенье --

Ея, конечно, сочиненья:

* * *

"Чуть лишь въ небѣ зорька
Вспыхнула, зардѣлась --
Вдругъ все небо тучей
Темною одѣлось.

* * *

Нѣтъ, не зорька тучей
Темною закрылась,--
А въ мое сердечко --
Горе заронилось.

* * *

Сердце, мое сердце,
Что съ тобою стало?!..
И за что такъ рано --
Съ горемъ ты спозналось?

* * *

Ужѣ за толь, что сильно
Вдругъ ты полюбило --
На любовь отвѣта
Ты не получило?..

* * *

Такъ страдай же сердце
Безъ его участья,--
Знать такая доля,
Что не знать мнѣ счастья...

* * *

А дальше слѣдуетъ романсъ
Въ вечерній знать написанъ часъ.

РОМАНС

Погаснулъ день, чуть-чуть зарею
Еще алѣетъ небосклонъ,
И мгла ложится надъ землею,
Съ рѣки чуть слышенъ говоръ волнъ.
По небу тихо пробираясь,
Плыветъ задумчиво луна,
Садъ будто спитъ не колыхаясь,
Царитъ повсюду тишина,
Волшебный часъ очарованья!
Все дышетъ нѣгой и живетъ,
Все будитъ страстныхъ желанья, --
Все къ жизни, радости зоветъ.
Но мой удѣлъ -- одни страданья --
Зачѣмъ я встрѣтилася съ нимъ?
И не сбылись мои желанья?
Увы! Отвергнута я имъ!"..

ГЛАВА XIV.

Въ наивномъ этомъ сочиненьи
Все ясно видѣлъ нашъ Евгенийъ --
Какъ ею онъ любимъ. Потомъ,
Вздыхнувши -- вдругъ закрылъ альбомъ,
И, тутъ же позванъ былъ къ обѣду.
Старухи также все опять
Вели болтливую бесѣду,
На все извоили роптать.
Обѣдъ окончился, Евгенийъ
Хозяйку, вставъ, благодарилъ;
Тяжелыхъ полный ощущеній,
Простяся съ ней, домой стѣшилъ;
Межъ тѣмъ холодный вѣтеръ вылъ
И мелкій дождикъ моросилъ.

* * *

Въ тогъ день Онѣгинъ простудился,
Горячкой сильно занемогъ;
Домой какъ только воротился --
Раздѣлся и въ постелю легъ.
Настала ночь, а онъ, страдая,
Въ огнѣ какъ будто бы горитъ
И, должныхъ мѣрь не принимая,
Лежитъ, томится и не спитъ.
Слуга и тучный управитель,
Какъ первый въ домѣ повелитель --
Спѣшать, чтобъ время не терять,
Въ уѣздъ за докторомъ послать.
Какъ ни была ненастна ночь,
Скорѣй, чтобъ барину помочь.
Ужъ полночь, свѣчка догораетъ
И кабинетъ, гдѣ нашъ герой --
Лежитъ съ открытой головой.
Уныло, мрачно освѣщаетъ.
Служанка старая, сѣдая,
Больнаго зорко наблюдая,
Одна въ близи его сидитъ, --
Онъ трудно дышетъ и не спитъ.
Она -- то пить ему подносить,
А то одѣнетъ половчѣй;
Пройдетъ минута -- снова проситъ
Евгеній пить подать скорѣй;
То вдругъ испуститъ сильный стонъ
И снова такъ же смолкнетъ онъ.

* * *

Сонъ клонитъ старую служанку,
Она невольно головой
Склонилась, сидя, на лежанку.
Все вокругъ объято тишиной,
Ни что тиши не нарушаетъ,
Лишь только слышанъ стукъ часовъ,

Да вѣтеръ грустно завываетъ.
Въ саду, и томный шумъ деревь.
Но вотъ часы вдругъ зазвонили,
Ударивши двѣнадцать разъ,
Глухую полночь возвѣстили,
Онѣгинъ, не смыкая глазъ,
На двери пристально глядитъ,
Недугъ сильнѣй его томить.

* * *

Кипитъ его воображенье
И, унося въ былые дни,
Картины прошлаго въ мгновенье
Предъ нимъ рисуетъ, и они --
Мгновенно такъ же исчезаютъ
И, убѣгая въ темну даль,
Сильнѣй въ немъ чувства пробуждаютъ:
Его тоску, его печаль,
Потомъ какъ бы въ одно сольется
Его видѣній разныхъ рой,
Надъ нимъ мгновенно пронесется --
Не связной шумною толпой;
Какъ вдругъ наплывъ его всѣхъ думъ
Прервалъ внезапный сильный шумъ.

ГЛАВА XV.

И двери быстро распахнулись,
Какъ будто вихоремъ рванулись --
Его въ моментъ объялъ испугъ:
Къ нему вбѣжала быстро вдругъ
Татьяна -- блѣдная, худая,
Глазами дикими сверкая,
Съ большой распущенной косой,
Въ одеждѣ бѣлой и простой,
Обрызганной обильно кровью.
Къ его склоняся изголовью,
Обнявъ его своей рукой,

Въ большомъ отчаяннѣ съ мольбой,
Сама какъ въ бурю листъ дрожитъ
И задыхаясь говоритъ:

* * *

Евгеній! Милый мой Евгеній!
Мой другъ! Спаси, спаси меня!
Скорѣе дороги мгновенья,
Или сейчасъ погибну я...
Мой мужъ бѣжитъ сюда за мною,
Меня ревнуетъ онъ къ тебѣ;
Все, все узналъ онъ стороною,
Какъ письма ты писалъ ко мнѣ,
Что я люблю тебя. Ты знаешь --
Какъ я невинна передъ нимъ,
Какъ ты меня не искушаешь,--
Но я жила какъ должно съ нимъ,
Какъ вѣрная его жена,
Всегда была ему вѣрна.

* * *

А онъ, что сдѣлалъ вдругъ со мною?
Смотри, смотри!.. Я вся въ крови --
Я жертва жалкая любви;
Но я теперь, мой другъ, съ тобою,
Меня спасешь ты вѣрно -- знаю:
Не дашь ему меня убить,
Тебѣ я жизнь мою ввѣряю,
Съ тобой мы вмѣстѣ будемъ жить.
Мы убѣжимъ съ тобой далеко,
И пріютимся гдѣ-нибудь.
И обнаженная высоко
Ея волной вздымалась грудь,
Ея дыханье будто жгло
Его горячее чело.

* * *

Потомъ она, подобно тѣни,
Не слышно стала на колѣни,
Его тревожитъ, тормошитъ
И, горько плача, говоритъ:
"Ты, что же мнѣ не отвѣчаешь?
Ты видишь -- какъ страдаю я?
Зачѣмъ меня ты не спасаешь?
Ужель не любишь ты меня?
О, какъ несчастна я судьбою!
Ты словъ не слушаешь моихъ,
Когда же такъ, такъ Богъ съ тобой!
Пускай умру у ногъ твоихъ!
Чу! слышишь? слышишь? онъ идетъ,
Сейчасъ, сейчасъ меня убьетъ"!..

* * *

Тутъ вдругъ Татьяна мужъ вбѣгаетъ,
Все мщеньемъ дышетъ въ старикъ,
И шпага острая сверкаетъ
Въ его трепещущей рукъ.
Кричитъ: "Ты здѣсь уже явилась!
Молись и проклята мной будь!"
И шпага острая вонзилась
Въ ея волнующую грудь.
И кровь изъ раны заструилась,
Въ конвульсіяхъ, какъ смерть блѣдна,
На грудь сраженная склонилась,
И на полъ рухнула она.
А мужъ недвижимо стоитъ --
На трупъ безжалостно глядитъ.

* * *

Межъ тѣмъ какъ бы въ оцѣпѣнныи
Лежитъ недвижимый Евгеній,
Какъ будто былъ безъ рукъ, безъ ногъ
Съ постели встать никакъ не могъ,

Чтобъ въ тѣ ужасныя мгновенья
Собой Татьяну защитить --
И такъ же полный злобы мщенья,
Злодѣя-мужа поразить.
Его какая-то вдругъ сила
Къ постели крѣпко придавила;
Онъ даже силился кричать,
Но рта никакъ не могъ разжать.
А грозный мужъ къ нему спѣшить,
И той же шпагою грозить.

ГЛАВА XVI.

Уже ненастный день осенній
Въ окно невесело глядитъ,
Когда проснулся вдругъ Евгений --
Надъ нимъ уѣздный врачъ стоитъ.
Пошли разспросы у больного:
Что? Какъ? Давно ль? Потомъ совѣтъ:
Чтобы ни ѣсть, ни пить такого,
Что можетъ сдѣлать сильный вредъ;
Потомъ писаніе рецепта,
Потомъ расплата за визитъ,
Потомъ -- въ карманъ юркнула лепта --
И врачъ уйти скорѣй спѣшить;
Больной съ поднятой головой--
Махнулъ во слѣдъ ему рукой

* * *

И грустно такъ воображаетъ:
"Не принесетъ мнѣ пользы онъ",
То живо онъ припоминаетъ --
Ужасный этой ночи сонъ,
Свою любимую Татьяну*
И слышитъ онъ ея мольбу,
И видитъ кровь ея и рану,
Послѣднихъ жизни силъ борьбу.
Какъ нѣжно, грустно устремляла

Она къ нему молящій взоръ,
Какъ видѣлъ въ немъ любви укоръ,
Какъ тише, тише все вздыхала --
Потомъ послѣдній вздохъ и стонъ,
И какъ заснула вѣчнымъ сномъ...
Все это онъ припоминалъ,
И сильно, сильно заскучалъ.

* * *

И можетъ ли что быть скучнѣе --
Утрату счастья вспоминать?
Съ тѣмъ вмѣстѣ быть больнымъ, страдать,
Кому съ днемъ каждымъ все труднѣе?
Куда ни шло, прошло чье время.
Кто дожилъ до преклонныхъ лѣтъ,
Влачить то горестное бремя,
Кому пора покинуть свѣтъ,
Кому ужъ нѣтъ очарованья,
Кто въ жизни все ужъ потерялъ,
Кому остались лишь страданья,
Для жизни кто совсѣмъ увялъ --
Кому не нужно ничего,
Какъ лишь покоя одного.

* * *

Но тотъ кто жить лишь начинаетъ,
Кто жаждетъ жить и въ эти дни
Онъ всѣ ужъ радости теряетъ
И знаетъ горести однѣ;
Какъ много тяжкихъ испытаній
Придется вынести ему!...
Кто при болѣзненномъ страданьи
Не годенъ въ жизни ни къ чему, --
Болѣзнию трудной изнуренный
Онѣгинъ былъ точь въ точь такой,
Бывъ самъ собой всѣхъ благъ лишенный --
Разгульной жизнью молодой,

Такою жизнью изнемогъ,
И больше счастливъ быть не могъ.

* * *

Дни ши и эскулапъ уѣздный
Не разъ больнаго посѣтилъ
И былъ ему лишь тѣмъ полезный,
Что въ немъ горячку прекратилъ;
Но отъ серьезныхъ въ немъ страданій
Его, какъ всѣ, не излѣчилъ,
И вопреки своихъ желаній --
Къ нему визиты прекратилъ.
А дни все дѣлались скучнѣе,
Дождливѣй, меньше, холоднѣе;
Къ концу ужъ близился октябрь,
Со снѣгомъ вслѣдъ спѣшилъ ноябрь.
Не думавши, Онѣгинъ вдругъ .
Опять уѣхалъ въ Петербургъ.

ГЛАВА XVII.

Онѣгинъ очень измѣнился --
Со всѣмъ не тотъ, какъ прежде, сталъ;
Когда-бъ онъ въ свѣтъ такимъ явился --
Его никто бы не узналъ.
Какъ солнцемъ въ жаркій день спаленный,
Въ бездождье, вянетъ юный цвѣтъ,
Такъ онъ болѣзнию былъ сраженный --
Слѣда въ немъ прежней жизни нѣтъ:
Худой, какъ будто старецъ хилый;
Померкнулъ блескъ его очей;
Всегда задумчивый, унылый --
И нѣтъ веселыхъ ужъ рѣчей.
Ужель въ Татьяну такъ влюбленъ,
Что сильно такъ страдаетъ онъ?

* * *

Тотъ, кто красавицъ самыхъ строгихъ
Не разъ собою побѣждалъ
И часто, послѣ дней немногихъ,
Какъ Донъ-Жуанъ имъ измѣнялъ;
Искавъ межъ ними совершенства,
Мечты капризной идеаль,
Чтобъ знать вполнѣ любви блаженство,
Собой и ими онъ игралъ,
И жилъ, и мыслилъ какъ въ туманѣ,
Дряхлѣя сердцемъ и душой,
Что онъ нашелъ теперь въ Татьянѣ,
Съ ея наивной красотой?
Не потому ли такъ мила,
Что ужъ княгинею была?

* * *

О, нѣтъ!-- ни званьемъ, ни красою,
Ни блескомъ роскоши большой,
Онъ только былъ плѣненъ одною
Ея возвышенной душой.
Когда предъ нею на колѣняхъ
Съ мольбой безмолвною стоялъ,
Въ ея очахъ и нѣжныхъ пеняхъ
Одну любовь ея читалъ,
Любовь, которою когда-то
Онъ первый ею былъ любимъ
И, полюбивши его свято,
Не разлучалась сердцемъ съ нимъ.
Но мужу вмѣстѣ съ тѣмъ она
Всегда осталась вѣрна.

* *

И это милое созданье,--
Высокій, чистый идеаль,--
Ея любовь, ея страданья,
Не оцѣня, онъ потерялъ;

Въ жару безумныхъ увлеченій,
Въ порывахъ бѣшеныхъ страстей,
Любви фальшивой въ упоенїи
Утратилъ время лучшихъ дней.
Съ какимъ теперь онъ сожалѣньемъ
Скорбитъ за прошлое душой
И вспоминаетъ съ отвращеньемъ
Кому онъ жертвовалъ собой?!...
А какъ бы могъ онъ счастливъ быть,
Когда-бъ умѣлъ ее цѣнить!..

* * *

И вотъ Онѣгинъ затерялся:
Покинулъ свѣтъ, забылъ друзей,
Тоской мучительной терзался,
Любовью пламенной своей.
Одинъ замкнувшись въ кабинетѣ,
Не выѣзжаетъ никуда --
И что ему теперь въ томъ свѣтѣ,
Хотя гдѣ слабой иногда
Онъ жилъ надеждою отрадной?
Порой, чтобъ видѣть предъ собой
Татьяны образъ ненаглядный,
Очей безмолвною мольбой
Ее жестокою молить --
Его чтобъ сердце пощадить.

* * *

Теперь казалось невозможнымъ,
Собой ей вновь надоѣдать:
Съ ея поступкомъ благороднымъ
Ему-ль ее не уважать?
Любя, лишь только сожалѣнне
Одно въ глазахъ ея читать?
Умноживъ тѣмъ свои мученья,
Еще чтобъ болѣе страдать?--
И въ сердцѣ слышалъ онъ отвѣтъ,

Что для него Татьяны нѣтъ.

* * *

Съ днемъ каждымъ все сильнѣй, сильнѣе
Его томитъ любви тоска,
И давитъ сердце тяжелѣе,
Какъ бы свинцовая доска.
Ни ѣсть, ни пить и все худѣетъ,
Слабѣютъ быстро силы въ немъ,
Онъ весь, примѣтно, будто тлѣетъ,
Люби стораемый огнемъ;
Письмо Татьяны все читаетъ;
И кашель бьетъ его сухой --
И трудно; трудно онъ вздыхаетъ,
Поникши грустно головой...
Слуга о докторѣ твердитъ,
А онъ не слушаетъ -- молчитъ.

* * *

Настанетъ ночь -- бушуетъ вьюга,
Крутятся, на улицѣ шумитъ,
А онъ въ постелѣ отъ недуга,
Въ жару томясь, безъ сна лежитъ
Въ часы тяжелаго страданья,
Когда все въ домѣ крѣпко спитъ,
О прошломъ такъ же вспоминанье
Его тревожитъ и казнить...
Ни въ чемъ не зная утѣшенья,
Онъ думаетъ: "Зачѣмъ я жилъ
И слѣпо такъ безъ сожалѣнья
Безумно жизнь мою стубилъ?
Какъ понялъ я ее, цѣнилъ?
Кому и чѣмъ полезенъ былъ?"

* * *

"Какъ червь проползъ земной подъ небомъ,

Пороки дѣлая одни;
Я отличалъ лишь сномъ, объдомъ --
Мои не многіе здѣсь дни;
Субъектъ эпохи допотопной,
Я только жизнью жилъ животной,
Сгорая пламенемъ страстей
Безумной юности моей.
Калѣка сердцемъ и душою,
Пренебреженный самъ собой,
Былъ ввергнуть собственной рукою
Разврата въ омутъ роковой,
И тамъ купаясь, наконецъ,
Я, изнемогъ -- живой мертвецъ".

* * *

"Пропало все -- краса и сила,
Прошла безъ солнышка весна,
Осталась мнѣ одна могила,
И ужъ близка ко мнѣ она".
Но вѣрилъ онъ, что не напрасно --
Та жизнь Творцомъ ему дана,
Жизнь "даръ чудесный, даръ прекрасный --
Могла-бъ блаженствомъ быть она,
Когда бы..." Тутъ себѣ съ упрекомъ
Лицомъ къ подушкѣ онъ прильнетъ,
И слезы горькія потокомъ
Изъ глазъ померкшихъ тайно льетъ;
Онъ ими сердце облегчалъ --
Съ нимъ ихъ никто не раздѣлялъ.

* * *

Такъ ночь пройдетъ и день свѣтаетъ,
Онъ къ утру только что заснетъ,
И снова день и ночь страдаетъ --
Такъ время скучное идетъ.
И вотъ отъ этого страданья
Осталась въ немъ его лишь тѣнь;

Какъ вдругъ проснулось въ немъ желанье,
Въ одинъ сырой туманный день,
Еще съ Татьяной повидаться,
И можетъ быть въ послѣдній разъ,
Каковъ теперь онъ, показаться
Въ ея лазури томныхъ глазъ:
Хоть сожалѣнье прочитать --
Потомъ, потомъ ужъ умирать...

* * *

И вотъ спѣшитъ онъ одѣваться
И бодримъ хочетъ показаться,
А самъ едва, едва стоитъ,
И задыхается, дрожить.
То вдругъ закашлится въ волненьи,
Зоветь слугу, кричитъ, бранитъ;
Слуга испуганный въ смятеньи
Ему съ участиемъ говоритъ:
"Останьтесь! ѣхать невозможно,
Погода слишкомъ ужъ дурна;
Такъ дѣлать вамъ никакъ не должно,
Поѣздка эта вамъ вредна!..."
Но былъ напрасенъ тотъ совѣтъ --
"Карету!" былъ ему отвѣтъ.

* * *

Вотъ сборы кончились. Евгений
Стоитъ безмолвный въ размышленьи,
Надѣта шуба на плечахъ;
И шапка теплая въ рукахъ,
И снова кашель, кашель съ кровью --
Вотъ онъ, слабѣя, тихо сѣлъ,
Склонясь дивана къ изголовью,
И будто мертвый поблѣднѣлъ:
Сидитъ, совсѣмъ не шевелится
И дышетъ все труднѣй, труднѣй;
Холодный потъ съ лица катится,

И меркнетъ свѣтъ его очей.
Слуга раздѣтъ его спѣшитъ
И самъ испуганный дрожитъ.

ГЛАВА XVIII.

Дни быстро мчатся чередою,
Татьяна также все грустна;
Судьбѣ покорная душою,
Проводить эти дни она.
И безъ надеждъ, любви страданья,
Въ себѣ старалась заглушить,
Гнала о прошломъ воспоминаья,
Его желая позабыть.
Супруга стараго ласкаетъ,
Желая счастья видѣть въ немъ,
Его всю волю исполняетъ,
Ему покорная во всемъ;
Но образъ милый ночь и день,
Ея преслѣдуетъ какъ тѣнь.

* * *

Въ борьбѣ съ собой она тѣнь эту
Могла какъ будто отразить:
Побольше-бъ -- силъ, разсудка, свѣту --
Могла-бъ совсѣмъ "его" забыть.
Вдругъ неожиданно и тайно
Слуга письмо ей подаетъ.
Она беретъ и машинально
Сургучъ съ письма въ смущеньи рветъ;
Письмо читаетъ, отъ волненья
Дрожитъ; слогъ, руку -- узнаетъ,
И градомъ слезы сожалѣнья --
На строки горестныя льетъ;
Потомъ склонилась головой,
Убита новою тоской.

* * *

И вотъ, что къ ней писалъ Евгеній:
"Въ предсмертный часъ моихъ мученій,
Я вамъ пишу въ послѣдній разъ --
Уже мой близокъ смерти часъ:
Не ядъ, не пуля роковая
Мое мнѣ сердце разорветъ;
И день, и ночь собой терзая,
Любовь меня во гробъ ведетъ.
Простите мнѣ все, все чѣмъ только,
Я могъ васъ въ жизни оскорбить;
Но съ жизнью мнѣ разстаться горько,
Желалъ бы жить я и любить;
Но жить безъ васъ -- одно мученье:
На васъ лишь издали смотрѣть --
Одно въ васъ видѣть сожалѣнье;
О, нѣтъ, ужъ лучше умереть.
Но мой конецъ,-- писать нѣтъ силы:
Довольно, умираю я!...
Прости, прости, о, ангелъ милый!
И помолися за меня".

* * *

И такъ, Онѣгина не стало,
Могучей времени рукой
Его, какъ многихъ ужъ, умчало
Въ пространство вѣчности нѣмой.
Блаженъ, кто съ полной вѣрой въ Бога
Покинулъ этотъ міръ земной;
Какъ ни былъ здѣсь онъ грѣшенъ много,
Тотъ, кто раскаянья слезой
Омылся сердцемъ и душой,
Предъ смертью новой жизнью жилъ
Съ надеждой въ лучшее святою,
И все врагамъ своимъ простилъ,
Съ слезами умеръ на глазахъ,
Съ улыбкой райской на устахъ.

* * *

Обрядъ печальныйъ похоронный
Съ большимъ былъ блескомъ совершенъ,
Былъ храмъ толпой народа полный
Свѣчами ярко освѣщенъ.
Украшенъ золотомъ, цвѣтами,
На пьедесталѣ гробъ стоялъ.
Глубоко съ впалыми глазами
Онѣгинъ въ гробѣ томъ лежалъ,
Вкругъ гроба въ новомъ облаченъ
Стоялъ духовныхъ лицъ соборъ,
И стройно пѣлъ со умиленьемъ
Извѣстныхъ лучшихъ пѣвчихъ хоръ.
Кадила курился ѳиміамъ,
Несясь какъ будто къ небесамъ.

* * *

Въ глубокомъ траурѣ рядами,
Въ рукахъ съ зажженными свѣчами,
Стояли, какъ одна семья --
Его родные и друзья,
И какъ могли -- они молились
Почившаго за упокой,
Но ихъ ничьи не оросились
Глаза горячею слезой;
И при концѣ ужъ отпѣванья
Ничьи не слышались рыданья,
Ни тяжкій вздохъ, ни скорбный стонъ,
Какъ будто всѣмъ не жалокъ онъ...
Одни наследники при томъ
Грустили будто бы по немъ.
Отпѣли. Чась насталь разстанья.

* * *

Всѣ къ гробу двинулись толпой
Отдать послѣдній долгъ прощанья.

Склонялись къ гробу головой,
Устами мертваго касались,
Другіе такъ лишь нагибались,
А кто лишь мысленно предъ нимъ
Не подходя, прощался съ нимъ
На все взирая хладнокровно,
Уже спѣшили выйти вонъ
И разсуждали преспокойно,
Какъ лѣтній былъ хорошъ сезонъ,
Какъ весело гулялось имъ --
И скоро такъ разстались съ нимъ.

* * *

Но вотъ тиха, блѣдна, угрюма
И горя тайнаго полна,
Какъ тѣнь неслышная, безъ шума,
Къ нему приблизилась "она",
И тихо, тихо наклонилась,
Вперивъ въ него свои глаза,
И мертвецу на ликъ скатилась
Изъ глазъ тѣхъ крупная слеза.
Потомъ горячими устами
Въ уста холодныя впиалась,
Простилась, тихо поднялась,
И также тихими шагами
Она отъ гроба отошла,
То Таня бѣдная была.

* * *

И вотъ ужъ бѣлой пеленою
Всего закрыли мертвеца,
И не видать его лица.
Владыка старческой рукою,
Обрядъ церковный исполняя,
Прочтя молитву и потомъ
На трупъ крестъ изображая,
Его посыпалъ онъ пескомъ...

Вотъ плотно крышей гробъ закрыли,
Винтами крѣпко завинтили,
Владыка гробъ благословилъ
И въ путь -- дорогу отпустилъ...
И взяли гробъ тотъ съ двухъ сторонъ
И понесли изъ храма вонъ.

* * *

Потомъ процессія большая,
Для всѣхъ извѣстная какая,
Объ ней не стоитъ и писать --
Довольно будетъ то сказать,
Что гробъ въ могилу опустили,
Землею наскоро зарыли --
И всѣ ушли другъ-другу въ слѣдъ.
Потомъ роскошный былъ обѣдъ;
Исправно ѣли всѣ и пили
И объ усобшемъ говорили:
"Какъ рано онъ свой кончилъ вѣкъ,
А былъ хорошій человѣкъ".
"Ему бы только жить, да жить!"
-- Но, знать, тому такъ должно быть!
-- А чѣмъ крестьянъ онъ надѣлилъ?
-- Чѣмъ? Всѣхъ на волю отпустилъ!

ГЛАВА XIX.

Но что съ Татьяной послѣ было?
Она попрежнему грустна
Разставшись съ тѣмъ, что сердцу мило
И тайно плакала она...
Балы, собранья позабыла,
Томяся горькою тоской.
И сердце любящее ныло
Въ груди горячей молодой.
Она замѣтно похудѣла...
Хоть геній-врачъ и постигалъ
Чѣмъ сердце нѣжное болѣло,

Но хмуря брови -- онъ молчалъ,
И какъ ни былъ въ наукѣ строгъ,
Но сердца вылъчить не могъ.

* * *

А старый, добрый мужъ Татьяны? --
Онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ,
Но также былъ здоровъ, румяный
И еще больше растолстѣлъ.
Жену любимую ласкаетъ,
И все, угодно что для ней,
Какъ рабъ покорно исполняетъ
Со всей готовностью своей.
И эти ласки и вниманье
Она умѣла оцѣнить,
Тая сердечныя страданья,
И какъ отца его любить;
Умѣла также уважать,
И ласкамъ -- лаской отвѣчать.

ГЛАВА XX.

Всему для насъ пора и время,
Всему начало и конецъ:
Минуетъ радость, горя -- бремя
На сердце ляжетъ какъ свинецъ;
И мы мучительно страдаемъ,
Убиты горькою тоской,
Когда что мило вспоминаемъ,
Навѣкъ что отнято судьбой,
И это-жъ время измѣняетъ,
Хоть не совсѣмъ сердечныхъ ранъ; --
Оно собою исцѣляетъ,
А все бываетъ легче намъ:
И мы, мирясь съ своей судьбой
Страдаемъ менѣе тоской.

* * *

А время быстро пролетало
Въ семейной мирной тишинѣ,
Татьяны будто утихала
Тоска въ сердечной глубинѣ.
Разсудка голосу послушна,
Она въ борьбѣ сама съ собой
Все больше, больше равнодушно --
Съ своей свыкалася судьбой.
Опять себя отдавши свѣту,
Она какъ будто разцвѣла:
Порхала быстро по паркету
И мужу радостью была,
Размысливъ: "что-жъ о томъ грустить --
Чего ужъ нѣтъ, чему не быть"?,,,,

* * *

Съ такою истиной святою,
Друзья мои, согласенъ я;
И я страдалъ, гонимъ судьбою,
Любовь терзала и меня;
Но чѣмъ за все мое страданье
Я ею былъ вознагражденъ?
Лишь о быломъ воспоминанье,
Осталось мнѣ какъ смутный сонъ...
"А счастье было такъ возможно",
Я имъ какъ будто обладалъ,
Но поступилъ неосторожно --
И счастье это потерялъ.
Размысливъ: "такъ тому и быть" --
И я рѣшилъ о томъ забыть.

* * *

Теперь кто-бъ ни былъ ты читатель:
Поэтъ ли, пламенный мечтатель,
Почтенный мужъ или юнецъ,
Ученый-баринъ иль простецъ,

Или прелестное созданье --
Красавица во цвѣтѣ лѣтъ, --
Мое къ роману окончанье;
По нраву-ль вамъ оно иль нѣтъ?
"Нѣтъ въ немъ безцвѣтно содержанье,
Поешь ты горе да страданье,
Нѣтъ въ мысляхъ, въ слогѣ красоты,
И много много пустоты,
Души больной несвязный бредъ,--
Такой я жду отъ васъ отвѣтъ..."

* * *

Пусть будетъ такъ безъ возраженья,
Согласенъ съ вами я вполнѣ.
"Къ чему же въ томъ твое стремленье"?
Вопросъ вы сдѣлаете мнѣ;
Вопросъ правдивый безъ сомнѣнья --
И я вамъ долженъ отвѣчать:
Не всѣмъ данъ даръ высокій пѣнья,
За чѣмъ-же -- ниже кто -- молчать?
Природа вся безъ исключенья
Во всемъ на всѣ лады поетъ,
Вездѣ ея мы слышимъ пѣнье,
Подъ звуки пѣсенъ все живетъ...
Она такъ Свыше создана,
И жизнь вся звуками полна.

* * *

Поетъ пѣвецъ любви весною
Въ зеленой рощѣ соловей;
Въ морозы лютые зимою
Щебечетъ грустно воробей,
Поетъ ученый, славный геній,
Увѣнчанъ лаврами пѣвецъ,
И такъ-же полный вдохновенья
Поетъ безграмотный простецъ.
Кипятъ моря, грохочатъ громы,

Звенять ручьи, шумятъ лѣса --
Все это общій хоръ огромный,
Все это звуки -- голоса...
И я даръ неба не таю --
И, какъ умѣю, такъ пою.

* * *

А ты, избранникъ Провидѣнья,
Въ комъ даръ высокій пѣснопѣнья,
Глашатай истины святой!
О, какъ завидѣнъ жребій твой,
Когда ты вѣренъ назначенью,
Послушный Вышнему велѣнью,
Ему хваленъе воздаешь
Тѣмъ, что безгрѣшно все поешь,
Добро и правду прославляешь,
Безсмертной славой ихъ вѣнчаешь,
Бичуешь зло, изъ бездны тьмы
Выводишь падшіе умы,
И снова ставишь правды въ свѣтъ,
Спасая ихъ отъ горя, бѣдъ...

* * *

Въ герояхъ духъ воспаменяешь,
Съ врагами въ битвахъ укрѣпляешь,
За вѣру, родину, царя --
Святой любовью къ нимъ горя,
Побѣды, торжества народа
Предъ свѣтомъ громко ты поешь,
Во дни, когда придетъ невзгода
Въ терпѣнны силы намъ даешь;
Счастливымъ высшихъ благъ желаешь --
Быть добрымъ къ братіи меньшей,
Несчастныхъ въ горѣ утѣшаешь,
Въ ихъ долѣ бѣдственной земной,
Любимый сынъ страны родной --
Ты слить съ ней сердцемъ и душой.

* * *

Ты эхо цѣлаго народа,
На все даешь ему отвѣтъ,
Ты зеркало, гдѣ вся природа
Видна -- и мракъ ея, и свѣтъ;
Ты лѣтопись его живая,
И пѣснь твоя не умолкая,
Какъ быстротечная рѣка,
Прольется въ дальніе вѣка; ,
Изъ поколѣнья въ поколѣнье
Ея внимая сладкій звукъ,
Придетъ въ восторгъ и умиленье
Временъ позднѣйшихъ дальній внукъ,
О славѣ онъ пѣвца вздохнетъ,
И самъ, ей вторя, запоетъ.

* * *

Теперь къ роману окончанье
Спѣшу я кончить поскорѣй,
Но заслужу ль я чье вниманье
Печальной музою моею?
Картины писанныя мною
Такъ грустны, мрачны, что онѣ
Едва ль кого плѣнятъ собою.
Въ нихъ: видны скорби лишь однѣ...
Но въ жизни такъ вѣдь и бываетъ:
Сегодня счастливъ человѣкъ
И онъ же завтра ужъ страдаетъ;
Потомъ, согласишься -- кончилъ вѣкъ...
Ужъ потому ль я такъ пою,
Что грустно такъ на жизнь смотрю?!..

* * *

Была пора и я когда-то
На жизнь съ улыбкою смотрѣлъ,

И вѣрилъ въ счастье жизни свято,
О горѣ слышать не хотѣлъ;
И эта жизнь меня плѣняла;
Когда былъ молодъ, зналъ любовь,
Но все бывшее миновало --
Я старъ, остыла въ сердцѣ кровь.
"Меня покинули желанья,
Блаженства призракъ улетѣлъ",
Остались мнѣ одни страданья! !
Таковъ тѣхъ старческій удѣлъ,
Кто преданъ сердцемъ и душой

* * *

Одной лишь жизни здѣсь земной.
Но есть въ народѣ исключенье --
Съ высокой люди есть душой,
Съ могучей силою терпѣнья,
Они мирятъ себя съ судьбой.
Какія бы она лишенья
Ниспосыла въ жизни имъ,
Съ святою вѣрой въ Провидѣнье
Довольны жребіемъ своимъ,
Страдая тѣломъ здѣсь, душой
Живутъ ужъ жизнью не земной.

Эпилогъ.

Прошло ужъ много лѣтъ. (Евгеній)
Давно въ землѣ сырой лежитъ,
Любви не вѣдая мученій,
И шумнымъ свѣтомъ позабытъ.
А молодое поколѣнье,
Волнуясь жизнью кипитъ, .
Полно тревогъ и наслажденья --
"И жить, и чувствовать спѣшитъ".
На кладбищѣ, тѣснясь семьею,
Кресты надгробные стоятъ,
Густой обросше травой,

Свои могилы сторожатъ;
Гдѣ ивы старья, березы,
Раскинувши широко сѣнь --
Шумятъ, качаясь въ лѣтнихъ грозы,
А въ жаркѣй день манятъ подѣ тѣнь;
Гдѣ вьюга зимнею порою
Бушуя, воетъ, голоситъ,
Покрывъ все бѣлой пеленою,
И вихри снѣжные крутитъ.
Близъ храма подѣ навѣсомъ ивы
Воздвигнутъ памятникъ красивый,
На камнѣ надпись говоритъ:
"Здѣсь прахъ такого-то зарытъ".
Вечерней лѣтнею порою ,
Старуха дряхлая съ клюкою,
Тряся сѣдою головой,
Туда является порой:
Въ глубокѣй трауръ вся одѣта,
Согбенная, худа, блѣдна,
Совсѣмъ отжившая для свѣта --
Тамъ долго молится она.
Потомъ, усѣвшись близъ могилы, .
Потупя въ землю взоръ унылый,
О чемъ-то думая груститъ,
И тихо все кругомъ молчитъ...
Сѣдой слуга во отдаленнѣ
Предъ ней почтительно стоитъ,
Въ какомъ-то тоже размышленнѣ
На барыню свою глядитъ.
Увы! давно старуха эта,
Когда-то прелестью цвѣла,
Блистала въ высшей сферѣ свѣта --
Татьяна жалкая была.
Могилу мужа посѣщая,
По немъ молитву тамъ творятъ
И о быломъ воспоминая,
Подолгу грустная сидитъ.
То тяжело она вздохнувши,
Какъ бы подавлена тоской,

Поднявши къ небу зорь потухшій,
Заплачетъ старческой слезой;
И тихо вставши черезъ силу,
Крестясь, еще поклонъ кладетъ,
И посѣтитъ еще могилу
Другую -- медленно идетъ,
Гдѣ камень первому подобный,
Такой же вѣрный стражъ надгробный,
Надъ той могилою стоитъ --
Тамъ прахъ Онѣгина зарытъ.
Потомъ, едва не задыхаясь,
Слуги на руку опираясь
И въ землю тыкая клюкой,
На грудь склоняся головой,
Едва ужъ двигая ногами,
И какъ-то шамкая губами,
Къ воротамъ кладбища идетъ,
Гдѣ экипажъ ее ужъ ждетъ.
И вскорѣ свѣжая могила
На кладбищѣ виднѣлась том,
Она Татьяну приютила,
Почившую послѣднимъ сномъ...
И къ мертвецамъ, въ землѣ гніющимъ,
Еще прибавился мертвецъ...
Вотъ пунктъ конечный всѣмъ живущимъ,
Романа нашего конецъ.